

ПРОЛОГ

Антон Филиппов ехал на своем стареньком «жигуленке» из института, где оканчивал пятый курс вечернего отделения. Ехал, то и дело сбрасывая рычаг переключения передач в «нейтралку», и с досадой думал, что завтра на работу придется отправляться на метро, поскольку денег на бензин, который он сейчас столь усердно экономил ездой на холостом ходу, в ближайшие три дня не предвидится, а занять у сослуживцев — дело дохлое, зарплаты в конторе мало того что задерживали, но и урезали. Попросить в очередной раз у отца? А что отец? Тоже — нищий научный сотрудник из того же, как и он, Антон, конструкторского бюро.

Некогда, в незабвенную социалистическую эпоху, КБ процветало, выполняя оборонные заказы, связанные с атомным подводным флотом страны, даже на должность рядового инженера в нем существовал конкурс, но после краха коммунистической доктрины в считанные годы все сникло, захирело, а после началось какое-то вялотекущее выживание, напроць лишённое основательных перспектив. Былая мощь и слава советской науки канули в область мифологии.

И зачем он пошел по стопам отца, зачем внял его оптимистическим прогнозам и заверениям о возрождении значимости статуса ученого? Вон, дорожный мент на перекрестке... Сытостью от мента веет, как от бегемота, да и рожа под стать... Тормозни его сейчас мент, не откупишься, а

техосмотра на машину нет, старая тачка, без взятки соратникам этого уличного вымогателя хрен получишь заветный талон... В их банду, что ли, податься, покуда возраст позволяет? Там, в банде, формулы незамысловатые и все глубоко жизненные, к материальным ценностям и потребностям привязанные...

Так и есть, пришла беда, тормозит мент, машет лениво палкой, приехали!

Толстые пальцы небрежно, словно карты после сдачи, перетасовали техпаспорт, водительское удостоверение и штрафной талон.

— Пройдите в машину на освидетельствование, — последовала команда, и патрульный кивнул на стоявший неподалеку «уазик» с надписью «милиция» на дверце.

— В смысле, тест на алкоголь? — спросил Антон, с некоторым воодушевлением сознавая, что попал в плановую проверку на пьянство за рулем и к просроченному техосмотру, видимо, патрульный цепляться не станет.

— В смысле, — прозвучал неприятный ответ.

Задняя дверца «уазика» открылась, Антон протиснулся в темноту салона, отдаленно удивившись, что в нем не горит ни одна лампа, и последнее, что запомнилось ему из этого дня, — именно свое вялое недоумение, чьи-то расплывчатые силуэты на сиденьях машины и — тупой внезапный удар в голову, смявший испуганно встрепенувшееся сознание в хаотичное раздрызганное забытие: бредовое, ускользающее, слепо тыкающееся в неясные прорехи, за которыми тускло угадывалась какая-то явь...

И проявилась эта явь, когда он очнулся на соломенной подстилке в смрадной духоте дощатого сарая, увидел над собой суровое и смуглое, в морщинистых складках лицо, надвинутую на лоб высокую баранью папаху и услышал незнакомое, на чужом языке, глухое слово, в котором звучало равнодушное удовлетворение — мол, хорошо, жив...

Вкус ледяной воды на иссохшем, вспухшем языке, про-

бывающийся ярко-голубой свет из щели в дверном косяке, тепло тяжелого и сыроватого, как бетонная плита, старого ватного одеяла, укрывшего его тело... И сон. На сей раз — просто сон, властно обрушившийся, исцеляющий, сулящий непереносимое пробуждение...

Он подумал, а может, вспомнил: так, наверное, ощущает себя душа, вновь вернувшаяся на землю в тело младенца: я снова здесь, я еще не знаю, где я, но узнаю об этом вскорее... И — узнает, единственно — забыв о себе прежней...

На следующее утро в сарай пришел старик, вновь дал ему воды, несколько пресных, словно пластилиновых лепешек, затем помог встать с подстилки и вывел из сарая.

Вокруг расстилались темно-зеленые низкие горы, уходящие за горизонт. Хищная птица парила в воздухе. Он стоял на плоской проплеши скалы, а за спиной его ютилось убогое горное селение, составленное десятком сложенных из камней жилищ вдоль круто взбирающейся в гору, мощенной теми же камнями улочки.

Приметы окружающего его пространства были очевидны...

— Я в Чечне, да? — не оборачиваясь на старика, произнес он, неотрывно глядя на повисшую в воздухе птицу.

И в ответ услышал хриплый насмешливый хохоток.

Рядом со стариком, неведь откуда появившись, стоял бородатый крепыш, одетый в камуфляж, с перекинутым через плечо автоматом.

— Догадливый, да? — сказал крепыш. — Ну чего, догадливый, хочешь к маме-папе в Москву свою, да? Тогда сейчас кино снимать будем, хорошо понимаешь? Скажешь папе, что будешь жив, пока он послушный будет...

— У моего отца нет денег, — проронил он. — Это глупо...

— Какие деньги у профессора? — согласился крепыш. — Он нищий, и ты нищий. Но два нищих, дай им верное дело, миллиард заработают... Иди за мной, кино гото-

во, пленка в камере. Режиссер у нас, да? Он все тебе скажет, как говорить. Кино сделаем, обед будет. Потом со стариком за хворостом пойдешь в лес, трудотерапия называется... Тут тебе много еще трудотерапия будет, здоровым в Москву приедешь...

А потом потянулись безъязыкие дни, словно распятые на изгвазданных овечьим навозом стенах сарая, дни в тряпье, в покоробленных солдатских кирзачах, в ужасе ночных пробуждений, когда холодные веки поднимали темень, в которой звякали кандалы на затекших лодыжках, и не было конца отчаянию, и вспоминалась Москва — больно и сладко, и вспоминался тот, кто некогда ехал в тепле машины в тепло светлого дома и досадовал, что завтра ему придется тащиться на работу на метро, — среди людей, полированного мрамора, реклам, сотен пестреньких магазинчиков... И неужели этот дивный мир представлялся ему до скуки обыденным и серым?

И, в очередной раз задав себе этот вопрос, он начинал, содрогаясь всем телом, смеяться, страшась своего смеха — гортанного и удушливого, похожего на хрип умирающего в капкане зверя.

Согласно подтвержденной компетентными лицами информации, известный исламский террорист Аль-Каттэр в ходе успешно проведенной спецслужбами США операции был задержан в римском аэропорту, откуда он намеревался вылететь по поддельному паспорту в Саудовскую Аравию. Как следует из сообщения, после проведения необходимых формальностей Аль-Каттэр в сопровождении конвоя был отправлен специальным самолетом в Соединенные Штаты, где, скорее всего, предстанет перед судом за совершенные преступления против мирового сообщества.

Своей секретарше Леонид Павлович, заместитель министра, доверял безоглядно. Их связывало уже восемь лет работы, и в течение этого времени ему не удалось высказать ей ни единого замечания или упрека.

Худощавая и несколько угловатая дама, чей возраст определялся как «слегка за сорок», внешними данными не блистала, однако была необыкновенно опрятна, одета в лучших традициях строгого вкуса и к служебным обязанностям относилась не просто безукоризненно, но и с долей деликатной инициативы, безошибочно упреждая его зачастую толком-то и не оформившиеся намерения.

Не дорожить подобным работником мог позволить себе лишь полный болван, но болваном себя замминистра не считал, а потому к нищенскому формальному жалованью доверенной служащей никогда не забывал прибавить пять-шесть бумажек с изображением Бенджамина Франклина, но вовсе не в качестве подачки, а как своего рода партнерский процент, естественно, не подлежащий занесению в налоговую декларацию.

С недавней поры секретарша выводила на него порою весьма перспективных и щедрых посетителей, предваряя их визиты ненавязчивыми сопровождающими характеристиками информационно-аналитического свойства. Для него, искушенного чиновника, эти установочные данные мгновенно становились первоосновой того общения, что в результате воплощалось в симпатичный пухлый конвертик, содержащий массу калорий и положительных эмоций...

И если секретарша мягко, но убедительно произносила: «Этого человека стоит принять, Леонид Павлович...» — то вне зависимости от занятости он просителя принимал. Причем не всегда и в расчете на взятку, ибо, в конце концов, у распорядительницы его канцелярии тоже могли быть сугубо личные устремления и интересы — живой все-таки человек... И не старуха. К тому же вдова, двое детей...

Впрочем, особенностями ее личной жизни он не интере-

совался, опасаясь превратного толкования такого любопытства. Его вполне устраивали взаимно сдержанные, чисто служебные отношения, дающие им возможность не подчеркнуто, но и удовлетворенно соотносить их с практическим результатом.

И когда в очередной раз секретарша будничным голосом сообщила, что к начальнику устремлен один, как ей представляется, толковый делец, представитель арабской компании, он лишь понимающе кивнул, а затем, поморщившись, указал на телефоны — мол, занят, и вообще, все надоели...

Секретарша, шелестя атласной юбкой, покинула кабинет, и ее сменил молодой черноволосый человек лет тридцати с открытым, обаятельным лицом.

Часы, ботинки и костюм вошедшего отвечали всем высшим нормам соответствующего престижа, и по всему чувствовалось: позаимствовал он их не из проката.

Чарующе, но естественно улыбаясь, молодой человек представился как Жак Ферье, исполнительный вице-президент научно-исследовательской корпорации, зарегистрированной в Париже, вручив государственному деятелю свою бизнес-карточку, в чьем углу сияла голограмма в виде земного шара, отороченного золотистой каймой.

— Очень рад, — промямлил деятель, откладывая очередной прямоугольный кусок плотной бумаги к мраморному письменному прибору, перевозимому им из одного нomenclатурного кабинета в последующий в качестве талисмана. — Готов вас выслушать... — И он мельком, однако весьма выразительно посмотрел на свои часы, изготовленные уважаемой швейцарской фирмой.

Часть этого уважения, по мнению чиновника, обязана была распространяться и на клиентов фирмы, знающих толк не только в наручных безотказных механизмах, но и в благородных металлах, их обрамляющих.

Часы, как он полагал, уже давно и многократно окупили

себя, выступая в качестве своеобразного индикатора, указывающего на должное наполнение клиентом денежной массы в пресловутых конвертах.

Молодой человек не сел за столик посетителей, а обошел его и встал у окна.

Теперь от гостя чиновника не отгораживало ничего, кроме разве хорошо поставленного официального тона.

— Мой дедушка — русский эмигрант, — поведал молодой человек с сокрушенной ноткой в голосе. — Что поделаешь... превратности исторического процесса! Но мне в этой связи отчасти и повезло: в нашей семье первым и главным языком был русский. И я счастлив, что могу общаться со своими соотечественниками без переводчиков. Однако прошу вас: если я допущу какие-то ошибки, не возьмите за труд меня поправить...

— Ну уж... чего там...

— Благодарю вас! — горячо произнес молодой человек. — Так вот... У меня достаточно простое в своей формулировке дело: нашей компании необходимо зафрахтовать научно-исследовательское судно. Однако, — он обернулся в сторону двери, — простое — именно что в формулировке...

— Именно! — не без удовольствия подтвердил чиновник, откинувшись в кресле.

Подобная его ремарка никоим образом французского подданного, работающего на развитую восточную державу, не обескуражила, и он бойко продолжил, вновь посмотрев на входную дверь:

— Я выбрал не совсем подходящий момент для визита, у вас в приемной какие-то важные люди, и вы, чувствую, тоже их ждете... А потому буду краток. Фрахт — фрахтом. Но колоссальное количество ученых, руководителей разных уровней в один голос утверждают одно и то же: никто лучше вас не способен проконсультрировать нашу компанию о специфике того судна, что оптимальнейшим обра-

зом ответит задачам будущей экспедиции... — И, твердо глядя в вопрошающий взлет бровей начальственного лица, виновато продолжил: — Естественно, мы далеки от мысли предложить вам работу на общественных началах. Хотя, — легкомысленно отмахнулся, — вероятно, данный разговор в этих стенах, да и при такой вашей загруженности, абсолютно неуместен и даже, — вздохнул, — бестактен! Во сколько вы заканчиваете работу? — спросил неожиданно требовательным тоном.

— В шесть...

— Великолепно! Я буду счастлив, если вы, простив меня за назойливость, согласитесь совместно отужинать! Вас устроит «Пекин»? Ресторанчик, конечно, помпезно-старорежимен, да и вообще, есть в нем нечто этакое... — Щелкнул пальцами. — Ну... Какая-то, знаете, эклектика. Вычурная экзотика, прошлая кастовая спесь, одновременно — улада нуворишей в сознании надстояния над ней, покорения былых приоритетов...

— Я, в общем, не очень понимаю...

— Да что тут непонятного? — беззаботно удивился француз. — Если вас не устраивает «Пекин», возьмите, будьте любезны, на себя заботу подсказать мне более подходящее вашему вкусу место. О машине не беспокойтесь! — Он предупреждающе выставил вперед ладонь. — У меня «Линкольн» с водителем, мы отвезем вас домой... Итак. — Голос его стал строг. — В какое время машине быть у подъезда? В шесть ноль пять?

— Ну...

— Тогда — не прощаюсь!

И француз буквально растаял в двери.

Он словно не раскрыл ее, а прошел через плотное дерево сомкнутых дубовых створок, ничуть их не потревожив.

Чиновник оторопело уставился на карточку с голограм-

мой — единственное свидетельство того, что посетитель ему не померещился.

Зашедшей секретарше, не удосужившейся поинтересоваться, как, впрочем, по этикету и полагалось, о произведенном на начальника впечатлении от своего протеза, он буркнул:

— Откуда француз-то?..

— Рекомендация из администрации президента, — безразлично произнесла она. И, мгновенно поменяв интонацию, уже тепло и дружески спросила: — Может, чайку? Только заварила...

— Давайте, — небрежно согласился он. — Машину можете отпустить. За мной заедут. Мероприятие тут у меня... — И, проследив ее к пути к двери, задумчиво добавил себе под нос: — Наметилось, так сказать, бляха-муха...

На следующий день, сидя за служебным столом и с отвращением глядя на свои ходуном ходившие пальцы, заместитель министра, глотая ледяную пепси-колу, с содроганием вспоминал все приключившееся с ним после визита верткого и услужливого француза.

Помнился «Линкольн», подкативший к подъезду, обильно сервированный стол с преобладанием в холодных закусках черной и красной икры; полутемный зал, кукольные лица танцовщиц варьете, матово лоснящиеся в свете прожекторов, разноцветная круговерть плюмажей и блесков, строй дамских ножек, гром музыки, обилие водки и тостов, после — качающийся в глазах писсуар; призрачная толкотня пиджаков и вечерних платьев у гардероба, глоток сырого ночного воздуха; вновь — уют пухлых кожаных сидений дожидавшегося их автомобиля, а далее — жгучий стыд и жутчайший срам! Какая-то роскошная квартира в центре города, кровать с парчовым покрывалом и две смазливые, явно несовершеннолетние особы, с возмутительным, как

ему сейчас представляется, бесстыдством проделывающие над ним столь захватывающе-изысканные несообразности, о вероятности каких ранее ему и подозревать-то не доводилось!

Грехопадение закончилось тем, что словно оборвалась лента ирреального порнографического фильма, и он очнулся уже дома, на диванчике в кабинете, под куцым пледом, одурело уставившись на брызжущий ликующим звон будильник.

Совершая немыслимый в своем физическом и моральном напряжении подвиг, он усилием едва оформившегося сознания переместил свое туловище в вертикальное положение, оттолкнулся от края ложа и побрел, влекомый инерцией робкого старта, на кухню, где выпил на одном дыхании стакан воды, вмиг покрывшись обморочной испариной.

Далее из семейной спальни, куда вчера он не был допущен, донесся скрип пружин кровати и — злобное шипение супруги, в котором лейтмотивом прослеживалось недовольство по поводу его ночных походов неизвестно где и с кем.

В ответ он сподобился только на краткое пожелание:

«Заткнись, дура!»

Звукового оформления данная фраза не обрела из-за катастрофического упадка сил, прозвучав лишь в его сознании — приглушенно и устало, подобно шороху гонимой по мостовой осенней листвы за окном.

Малодушную мыслишку сказать больным и вновь вернуться на заветный диванчик, слившись с ним в похмельной агонии, переборола закалка каждодневных утренних пробуждений, и он, кое-как побрившись, спустился к служебной машине, не представляя, как покажется перед подчиненными с черной от перепоя физиономией.

И тут полыхнули щеки от страшной мысли: а вдруг да до-

велось ему подцепить какую заразу? Что были за девки? Как он там... Ведь ничего-то толком не вспомнить!

Ах, француз... Вот же подлец! Вот же ввел в искушение!

Да, кстати... А о чем, собственно, шел разговор? И какова истинная суть случившегося наваждения? Чего ради его охмуряли?

Ага! То ли арабской, то ли французской фирме необходимо научно-исследовательское судно для обслуживания изысканий Гринпис. Что-то там насчет утечки радиации с затонувших подводных лодок...

Он, как внештатный консультант, получает от фирмы десять тысяч долларов в месяц на всем протяжении плавания. Десять тысяч — это неплохо, но только кого и относительно чего консультировать?

Впрочем, что за бред. Ему дается взятка. И солидная. За чепуху, в общем-то. Судно будет выделено, тем более азиаты в лице француза согласны на полную предоплату фрахта по высшим ставкам. Вариант — беспроектный по всем статьям. И называется так: поможем Родине в целом и себе в частности.

Со всякими оборонными инстанциями, судя по тем бумажкам, которые ему предъявлялись за ресторанным столом, вопросы о законности и целесообразности экспедиции утверждены.

Вот тебе и Гринпис!

Он почему-то думал, что все эти «зеленые» — сумасшедшие энтузиасты без гроша в кармане, пытающиеся на каких-нибудь надувных лодках останавливать эсминцы и протестующие против решений государственных администраций, противопоставляя полицейским дубинкам лозунги с душеспасительными каракулями.

Ан нет! Нашлись-таки серьезные люди, о душе, видимо, заботящиеся, вложили в мероприятия убогих баламутов деньжата, наняли расторопных ребят типа этого вертопра-

ха, сумевшего не только заморочить голову ему, заместителю министра, но и втянуть солидного, понимаете ли, человека в определенного рода времяпрепровождение...

Впрочем, хрен с ним, с французом. Кто что потерял? Француз свое получит, а он — свое.

— Леонид Павлович, — раздался в селекторе голос секретарши, — звонит Ферье... Вас соединить?

— Да... — Потной ладонью он подхватил трубку и, стараясь привнести в немощный голос безмятежную, даже развязно-покровительственную интонацию, изрек: — Ну-с, как ваше самочувствие, уважаемый охранник окружающей среды?

— А ваше? — донесся учтивый вопрос.

— Я надеюсь на то, что мне не придется... это... посещать некоторых специалистов... — обтекаемо заявил он.

— О, что вы! — донеслось понятно и с уверенностью. — Даже не думайте! Вы же поняли, надеюсь, что я — человек ответственный и никогда не позволю себе, приняв гостей, оставить у них какие-либо неприятные воспоминания... Скажу проще: стопроцентные гарантии! С любого рода неустойкой!

Леонид Павлович, утерев внезапный пот со лба, закрыл истомленно глаза.

Кажется, пронесло!

— У нас остался вопрос о консультантстве и о сопутствующем данному вопросу моменте... — продолжил француз.

— Я понял, — быстро и хмуро произнес Леонид Павлович.

— Так вот... Моя персона во всеоружии, так сказать, — доложил француз.

— Я, в общем, тоже... — стесненно кашлянув, подтвердил свою готовность к получению mzды Леонид Павлович.

— Буду у вас через часок, — сказал Ферье. — Не возра-

жаете? Извините... — Голос его отдалился, и он произнес что-то в сторону неизвестного лица, находящегося с ним рядом.

Слух замминистра уловил:

«Часа через полтора... Да, как обычно... Ага, у окна...»

— Не возражаю, — скованным голосом произнес Леонид Павлович. — Но попроси не опаздывать.

— Ну что вы!

Опустив трубку, он внезапно подумал, что звонил француз из ресторана и, вероятно, беседуя с ним, одновременно давал какие-то распоряжения или метрдотелю, или официанту, заказывая очередной стол яств.

Для кого вот?..

Этой мыслью, впрочем, Леонид Павлович долго не терзался и будущему собутельнику француза ничуть не завидовал. Повторить сумасшедший вечер ему категорически не жаждалось.

А жаждалось отсидеть этот час, дожждаться конверта, отдать французам документ с резолюцией и — срочным порядком отправиться домой, где выпить полстаканчика коньяка, уйти в спальню и, завернувшись в одеяло, провалиться в волшебно избавляющий от физических страданий сон.

Под шипение жены, конечно. Эта дура даже не понимает, как тяжело ему достаются деньги. Не понимает, и все!

Ей бы вот так... Выдержать! Это же — с ума сойти! Сиди тут на грани инфаркта и жди обалдуя французского! На валлордине и водичке! Объясни ей! Стерва...

Ему подумалось, что, возьми он в жены умницу-секретаршу, все было бы по-иному... С пониманием женщина, со знанием людей и жизни...

А хотя, пришла последующая мысль, все они в принципе одинаковы! Что те две вчерашние сучки, что эти кобылы с жопами раскормленными...

По крайней мере, для него. Вынужденного платить им за любого рода взаимные интересы. За давешний разврат, за умелое секретарствование, за семейный ужин и будущий предсмертный стакан воды...

Плати, Леонид Павлович! Кому — процент, а кому — долю. А как не сумеешь заплатить — никому не станешь нужен! А потому — что? Потому — надо получать. Опять-таки: либо долю, либо процент.

КАМЕНЦЕВ

Солдат спал. Спал глубоко и утомленно.

Он, еще не веря этому, прижался щекой к облупленной, изъеденной ржой стене бытовки, теплой от полуденного солнца — уже тускленького, осеннего, размытого поволокой легких струящихся облаков.

Осторожно провел ладонью по слезящимся от песчаного ветра глазам, всматриваясь в затекшее, смурное лицо прикорнувшего караульного «старичка», сидевшего на неуставном табурете и привалившегося затылком к стойке сторожевой вышки.

Прислушался, настороженно водя по сторонам головой. Зэки, сотоварищи по несчастью, работали вдалеке, за отвалами песка, откуда с порывами колкого ветра доносились приглушенные удары кувалд и шипение электросварки. Бригадир ушел из бытовки в глубь зоны, взглянуть на труды подопечных, и теперь он, Сергей Каменцев, остался один на один с внутренней запреткой рабочей зоны и с ветхой, грубо сколоченной из старых жердей и досок вышкой, где находился сморенный дремотой конвойный — способный, впрочем, в любой момент очнуться, передернуть затвор «калаша» и...

Громаду рабочей зоны, где шло строительство шлюза, опоясывал многокилометровый дощатый забор. Криво протянувшись по побережью Дона, он заворачивал к чахлым лесопосадкам, затем уходил в степь, утыкался в белевый кирпич караулки и от ворот ее вновь круто сворачивал

к реке, образуя своими зигзагами «мертвые зоны», просматриваемые вопреки правилам лишь одним часовым.

Тюремная архитектура в созидании заграждений — обычно строго прямолинейная, в данном случае терпела ущерб от нехватки стройматериалов, и огрехи ее, видимо, должна была компенсировать солдатская бдительность. Естественно, категорически исключавшая преступный сон на посту.

Шел первый месяц его, Каменцева, срока. Первый месяц из предстоящих семи лет. Он уже свылся с черной спецовкой, с заплатой лоскутной бирки на груди, обозначающей его имя и номер статьи УК, свылся с узкой панцирной шконкой, теплой барачной вонью, разводами на лагерный тяжкий труд, шмонами контролеров и окриками конвойных, покорностью перед блатными, «бугром» и начальником отряда — низкорослым белокрысым лейтенантиком, надменно-хамоватым распорядителем его нынешней тюремной судьбы. Свылся, принял как должное, полагая, что теперь остается одно: стиснуть зубы, незаметно и скромно сосуществуя в толпе подобных, не навлекая на себя ни гнева начальства, ни нападок извечно готовых к конфликту блатарей, не подставляясь ни поступком, ни словом под злобу и изощренное коварство лагерного быта.

И вот — шанс...

Но только шанс ли? Месяц назад здесь, в рабочей зоне, по окончании смены не досчитались одного из эзков. Конвой проверил контрольно-следовую полосу, не обнаружив на ней следов, командир роты, полистав журнал со списком выезжавших из зоны машин, вышел к понурым эзкам, выстроенным в «пятерки», и, умудренно усмехнувшись, предложил:

— Подельник не хочет расколоться, в какую щель корешок его забился и куда пайку спроваживать надлежит? Нет? Так пусть по дороге в жилой сектор подумает. Об ответственности за соучастие. Бегунка мы найдем, а за рас-

кол и за облегчение труда нашего большую поблажку обещаю. Думай, подельничек, думай!

То ли надумал тот, кому поблажку посулил капитан, и, вняв призыву, раскаялся перед «кумом», что допрос бригады поодиночке незамедлительно в своем кабинете учинил, то ли конвойные псы беглеца унюхали, но уже через два часа вытащили бедолагу из выгребной ямы сортира, в стене которой он нишу себе вырыл, дабы отсидеться в ней пару недель до очередного выходного дня, когда караул с зоны снимут; обилие его ребра солдатики и офицеры мысы своих сапожищ и — бросили в штрафной изолятор на голый бетон, причитая сокрушенно, что, мол, кабы покинул он зону, был бы раскручен на новый срок, а так — эхма! — лишь легким испугом отделался, счастливец...

После изолятора отправлен был бегунок на больничку — по причине внезапных внутренних кровоизлияний и общего упадка здоровья — видимо, как отрядный сказал, случившегося от огорчения по поводу незадавшегося побега. Ну а после огорчился неудачник до такой степени, что и помер в закрытом медучреждении с диагнозом универсальной сердечной недостаточности, явив экам яркий пример вреда поползновений к оставлению территории, заботливо охраняемой государством и его специализированными вооруженными силами.

Каменцев раздвинул оцинкованную нить колючки, поднырнул под нее, вмиг покрывшись обморочной холодной испариной. И — бросил коротким рывком одеревеневшее от страха тело в тень под сторожевую вышку.

Только тут ему подумалось, что подходит время смены караула и, застань его здесь разводящий с солдатами, пощады не жди.

Разгреб влажный холодный занос песка под забором, нырнул, вжимаясь грудью в образовавшуюся лунку, и — протиснулся наружу, сразу же усмотрев спасительный обрыв, ведущий к реке.

Скатился по нему в воду, лишь отдаленно осознав охватившую тело стужу, и поплыл, с лихорадочной радостью уясняя, как властное тугое течение стремительно увлекает его прочь от тающего вдалеке серого забора и редких теремов вышек с неясными силуэтами солдат.

И тут же всплыли в памяти слова конвойного ротного капитана:

— Вы, господа осужденные, не о побеге мечтайте, а о том, как грехи тяжкие ударным трудом искупить... А о побегах все давно продумано. Только не вашими головами, а нашими. И какие вы варианты с выкрутасами ни сочиняйте, все одно выйдет: велосипед кривой, на котором далеко не уедешь! А если кому и повезет на экспромте, то это — ох, не надолго и лишнего срока не стоит, такая вот вам моя пропаганда... А следующий умник-романтик не срок получит, а выговор! С занесением в грудную клетку! — Кэп, усмехнувшись, куснул прокуренный седоватый ус. Добавил нехотя: — Я, может, шучу плохо, но серьезно...

Экспромт. Да, вероятно, прав был конвойный волк, прав.

Сейчас, проносясь неведь куда вдоль желтых степных берегов, он, Каменцев — жалкая бритоголовая сущность в намокшей арестантской робе, без гроша в кармане — вдруг понял, что по-детски беспомощен перед погоней, отделенной от него считаными часами.

Его будут ждать в поселках и в хуторах, на дорогах и в лесопосадках, на железнодорожных станциях и разъездах.

Отныне весь мир ошетинился против него.

И пожелалось вернуться, покаяться, претерпеть побои и каменный мешок ШИЗО, чтобы вновь вернуться в свою строевую пятерку, мешать бетон, таскать арматуру и радоваться теплой шконке, снам о воле, киношке по выходным, вкусному кусочку, перепадающему из передачек, похвале отрядного... А там за ударный труд, глядишь, да и полу-

чишь работку, на которой ничего не надо делать, — библиотекаря, к примеру.

«Если оковы не жмут, их можно считать удобными...»

Он затравленно усмехнулся такой своей мысли и начал потихоньку выгребать к берегу.

Искать будут там, куда сейчас его тащит течение. А это называется — детский мат. И поставить его конвойным гроссмейстерам он не даст. Хотя какой там «детский мат»? На шахматной доске сегодняшней игры — он всего лишь одинокая пешка, окруженная ратью противника. И вся его игра заключается в том, чтобы соскользнуть с доски...

Он выгреб в залив, проросший камышом и мясистыми лианами кувшинок, разгребая руками жирные осклизлые стволы болотной поросли, побрел, увязая в каше ила, к заросшему чахлым ивняком берегу.

И тут расслышал далекий клекочущий вопль сирены.

Погоня началась.

ЗАБЕЛИН

Ночью этот путь даже среди местных смельчаков считался дорогой большого страха. Тротуар с островками мусора, прибитого ночным ветром к серым жалюзи магазинов, тянулся параллельно дощатой набережной, мертвым заржавелым конструкциям опустевших в эту осеннюю пору аттракционов Кони-Айленд, затем проходил мимо баракхолки и морских контейнеров-магазинчиков, торгующих рухлядью со свалок; затем, огибая парк с узловатыми старыми деревьями, упирался в трассу, ведущую в Манхэттен.

Ночь рождала здесь сущностей нью-йоркского ада: закутанных в тряпье бездомных, наркоманов с безумными слезящимися глазами — пустыми и белыми, как у дохлых акул, дешевых проституток, манекенами замерших на голой асфальтовой пустоши среди мертвых стен, изукрашенных вязью бессмысленных надписей, нанесенных нитро-

краской из спреев, а под изогнутой закопченной кочергой эстакады сабвея, распластанной над трущобами, скользили белые холодные огни редких фар, подобные светящимся пятнам глубоководных рыб в гнетущей тиши океанской бездны.

И нечего праздному пешеходу делать тут, в гетто безумия и порока, в зловещем бруклинском захолустье, среди заборов из оцинкованной сетки, пустырей с остовами машин и прогнившими хибарами, обложенными черно-красным кирпичом, в одной из которых жил он, Алексей Забелин.

Прошлая ночь ушла, словно забрав с собой людей этой ночи, оставивших валявшиеся на тротуаре шприцы, покрытые мутноватой испариной, пустые жестянки из-под пива и соды, мятые сигаретные пачки.

— Народ гулял... — горестно бормотал Забелин, огибая россыпь использованных презервативов: видимо, основная тусовка проституток, обслуживающих случайных водителей, происходила именно здесь, напротив дешевого ресторана с блюдами из даров моря. — Вот же гадючник... Вот же угораздило меня сюда, а?..

Впрочем, бредя сейчас, ясным октябрьским утром, вдоль открывавшихся магазинчиков со смердящей пыльной рухлядью, он, прижимая ко лбу козырек кожаной кепочки и дыша бодрящим океанским бризом, находил, что райончик все-таки не так уж и плох: местные чернокожие отморозки, именуемые им «шахтерами», его не трогали, даже здоровались по-соседски, принимая за своего, человека не дна, но придонного, с долларом-двумя в кармане, а с такого на дозу не получишь; рядом располагалась станция подземки, пройти от которой в ночные часы до железной решетчатой двери дома означало всего лишь пять минут риска, а комната, которую он снимал, проживая в квартире с хозяйкой, обходилась в месяц всего в двести пятьдесят долларов чистыми, без дополнительных расходов.

Летом же район превращался в дачно-праздничный рай: пляж, теплый океан в считанных шагах от квартиры, толпы отдыхающего люда, музыка, буйство аттракционов и благодаря этому — стремительно возрастающая безопасность. Или же иллюзия таковой.

В одном из морских контейнеров, торгующих помоечным антиквариатом, копошился сутулый одесский еврей Яша, снабжавший Забелина дешевыми ворованными сигаретами по полтора доллара за пачку. Яша, эмигрировавший в Америку в начале семидесятых, перепробовал все виды самостоятельного мелкого бизнеса и работы по найму, в итоге закончив свою карьеру владельцем контейнера у набережной и считаясь среди компетентных коллег знатоком всех помоек Нью-Йорка. В какой-то момент, поддавшись чарам горбачевской перестройки, Яша рванул обратно в Одессу, дабы нажить миллионы на экспорте американских подержанных матрацев, но замечательная коммерческая идея по неведомым причинам прогорела на корню, и с черноморского Привоза одессит вернулся к знакомому железному ящику с сейфовыми запорами на побережье Атлантики, получив в эмигрантских кругах за этакий маневр расхожее звание дважды еврея Советского Союза.

— Как жизнь, товарищ дважды еврей? — задал вопрос ариец Забелин, обращаясь к согбенной спине бизнесмена-антиквара, протиравшего заскорузлой ладонью рябящее желтоватыми надтреснутыми волнами «венецианское» зеркало.

— А, процветаю, — отмахнулся тот, не оборачиваясь.

— Курево имеется?

— Какое-то левое... Из Москвы завезли. «LM». — Яша подоткнул к остренькому подбородку просопливленный шарфик. — Какая-то баба залетная притаранила. Американские, говорит. Я ей: ты глянь в любую лавку, о таком куреве здесь никто и не слышал. А она: у нас, мол, даже реклама есть: «LM» — свидание с Америкой, хе. Дурят их, по-

нял как? А я и скажи: если насчет свиданий, то лучше б ты «Беломорканал» привезла... Тут все ясно: свидание закончено.

— Ну давай пару пачек по баксу... — Забелин достал бумажник.

— Я по баксу и брал!

— Брал ты центов по пятьдесят, не делай мозги. А потом, мне давно полагается скидка. Как надежному клиенту. Кто не заложит. Военно-морскому офицеру, ясно?

— Бывшему, — поправил Забелина Яша.

— Бывших офицеров не бывает, — парировал тот, бросая на колченогий журнальный столик якобы восемнадцатого века две мятые бумажки. — А что торгуюсь с тобой, то не от азарта и не от жадности это, Яша. Когда в обойме патроны на счет, стреляют исключительно одиночными.

— Выберешься, — вздохнул Яша, признав справедливость подобного аргумента.

И пошел Забелин дальше, мимо парка, где на лужайке, установив вместо ворот пустые жестяные бочки, лентяи с социальными пособиями гоняли в футбол. Евреи и негры вперемешку.

Над океаном и бруклинскими многоэтажками висел яркий мат:

— Ты... тра-та-та... сыграл рукой! Я видел!

— Чего ты... тра-та-та... гонишь!

— У тебя чести нет, сука!

— Да пошел ты на!..

— Да пошел ты весь!

Забелин вдруг отчужденно осознал, насколько он стар. Уже сорок шесть, приехали. И нет никакого желания погонять мячик по зеленой еще травке, а ведь как раньше любил он это занятие...

Пришла пора такой созерцательности. Бредет как старик меж вековых деревьев старого парка, вспугивая хлопотные стаи голубей с медного ковра опавшей листвы,

смотрит умиленно на серых нью-йоркских белок, вертко шмыгающих по голым ветвям, и в голове — ни единой мысли, а так — хаотичные воспоминания о былом — прожитом, как оказалось в итоге, бездарно, с категорически отрицательным результатом.

А ведь был когда-то флот мощной державы, вера в эту державу и гордость ее защитника, было окрыляющее ощущение единства офицерского строя под револьверно хлопающим на ветру алым гюйсом с окантованной белым контуром звездой, трепет перед своим преображением — как внешним, так и внутренним, когда влезал он в черную морскую форму, и, конечно же, упоительность обязательно должных сбыться перспектив: дальних походов, пирушек с друзьями на берегу в компании нежных девушек, восторгающихся тобой — молодым, сильным и мужественным... И теплое Черное море, и горьковатый ветер из степей, и крымские звезды... А будущее? Кто из них тогда задумывался о нем? Нет, думать-то отстраненно думали, но как о чем-то скучновато-сытом и обеспеченном. А ему, имевшему московскую квартиру, и вообще незачем было преждевременно огорчаться какими-либо дальнейшими бытовыми сложностями: ну наслужится, выйдет в эту самую космически далекую пенсионную отставку, и будет впереди еще целая жизнь, место в которой он себе, безусловно, найдет.

Крымская хрупкая девушка Зоя, подарившая ему сына, давно умерла, сын женился на американке и уговорил его, Забелина, продать квартиру, переехать к нему в Штаты, а он и согласился — с решимостью обреченного. И что им руководило — до сих пор и сам не поймет. Опротивело все, наверное. То, чем он жил, пошло прахом. Все ценности. Ложные, как выяснилось. Неложными оказались торгашество, наглость, сила, умение хапнуть и оттолкнуть ближнего, а то и убить его, если мешает он тебе в дележе того или иного сладкого пирога.

Да, ему попросту тяжело и мучительно стало жить в стране, напоминавшей кладбище всего бывшего. И — уехал.

А далее последовали предсказуемые, в общем-то, события: деньги испарились благодаря прогару бизнеса сыночка, с кем рассталась капризная и очень логичная американка, претерпев абсолютно невыносимое для ее натуры финансовое недомогание.

Сыночек отбыл на заработки в Канаду, а он, Забелин, пошел трудиться таксистом. Купил на последние деньги подержанный «Линкольн», взял в аренду радио и начал кататься по дебрям города и штата Нью-Йорк, тупо зарабатывая доллары.

Особо себя он не утруждал, главное, чтобы хватало заплатить за квартиру и нормально поесть, но вот-таки случилась незадача — «Линкольн» угнали.

И тут же другая беда грянула: затяжной жестокий радикулит.

О работе таксиста с постоянной сверлящей болью в позвоночнике, отзывавшейся пламенным взрывом на каждом ухабе и снопом искр в зачарованных очах, надолго можно было забыть. Лечение представляло проблему: на инвалидность, дающую льготы, он не тянул, а гуманизм докторов выживал здесь лишь на обильно удобренной долларами почве.

И вот уже прошли две недели, как он перебрался в «шахтерский» райончик, сняв комнату у бедной соотечественницы, живущей в Штатах нелегально и работающей сиделкой на дому у умирающих больных СПИДом и раком. Начав ту форму жизни, что определяется неопределенным термином: «существование».

Соотечественница, также бывшая москвичка, вдова, выдавшая дочь замуж за парня, живущего в Таллине, но перспективой тещи-домработницы не прельщенная, дама обаятельная и бойкая, предложила Забелину компромисс: дескать, пусть он ни о чем не волнуется, зарабатывает она

достаточно, если надо, то и машину ему новую купит, но давай-ка, дружок, жить в браке: хочешь — фиктивным, а хочешь — в настоящем.

Трудолюбивая и пробивная баба располагала и трехкомнатной квартирой в Москве, предназначенной, в случае получения ею американской грин-карты, к выгодной продаже, а грин-карту ей в этом варианте обеспечивал Забелин, категорически к браку не склонявшийся.

Они уже с неделю спали вместе; он, проснувшись поутру и поедая приготовленный сожительницей завтрак, угрюмо разминал нывшую поясницу, раздумывая о том, что слова о фиктивке — конечно же, уловка. Пройдет какое-то время, он наверняка привяжется к этой чужой бабе, причем привяжется не душой, нет; привяжется, подобно бездомному псу, попавшему с холодной и враждебной улицы в сытый дом и тревожащемуся об одном: как бы не выкинули с теплого порога, а нравится она тебе или нет — размышления досужие, главное — выжить! Но, с другой стороны, — способен ли выжить он, Забелин, самостоятельно? И так ли уж плох предложенный компромисс, дорога к которому, равно, впрочем, как и к любому иному компромиссу, изобилует многочисленными указателями?

Указатели же таковы: стабильное жилье, домашние обеды, возвращение к таксистскому труду, ухоженность и безмятежность... Ну исполнение пару раз в неделю супружеского, к-хм, долга... Так зачем же, обливаясь потом, двигаться вперед, когда все и так идут тебе навстречу?

Он остановился, переводя дыхание.

Боже... До чего докатился. Безнравственность, говорят? Вот она — омерзительная прежде всего тем, что бьется в башке твоей вполне логичное подозрение: а не бросит ли тебя твоя заботливая спутница жизни, как только получит кусок пластика со смазанной фотографией и отпечатком пальца — венец ее сегодняшних устремлений? Зачем ты ей нужен — старый больной лентяй с хроническими депрес-